

10. Добровольский Д., Пеппель Л. О грамматикализации конструкций // Тезе и резимеи XVI меѓународн. конгр. слависта. У 2 т. Београд, 2018. Т. 1. С. 273.

11. Конюшкевич М. И. Влияние языка СМИ на образование фразеосхем типа «Дело в том, что...» [Электронный ресурс] // Медиалингвистика, 2018. Т. 5. № 1. С. 84–96. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu22.2018.107> (дата обращения: 05.10.2021).

12. Всеволодова М. В., Виноградова Е. Н., Чаплыгина Т. Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2 : Реестр русских предложных единиц: А – В (объективная грамматика). М. : УРСС, 2018.

«МЕРЦАНИЕ СМЫСЛОВ» ПРИ ПЕРЕВОДЕ РУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ А. С. ПУШКИНА «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»)

Т. Г. Трофимович

*Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка
ул. Советская, 16, 220050, г. Минск, Республика Беларусь, t.trof@mail.ru*

В статье рассматриваются семантические соответствия, сформировавшиеся в результате перевода на белорусский язык русского поэтического текста. Специфика переводимого художественного текста и генетическое родство языков особым образом сказываются на смысловом соответствии перевода оригиналу, создавая «мерцание смыслов».

Ключевые слова: русский поэтический текст; близкородственные языки; художественный перевод; белорусский язык; смысловые соответствия; лексические трансформации.

Словосочетание *мерцание смыслов*, вынесенное в заглавие настоящей публикации, не является ни лингвистическим термином, ни термином известных нам отраслей знания. Однако содержательное наполнение, созданное семантикой составляющих словосочетание лексических единиц, привлекает внимание, поскольку позволяет называть сложные по сути и коммуникативной значимости явления.

О том, что приведенное словосочетание востребовано в практике общественной жизни, красноречиво свидетельствует интернет, который на соответствующий запрос приводит много материалов (например, [1]). Знакомство с ними позволяет считать, что под «мерцанием смыслов» подразумевается неровное, колеблющееся «свечение» внут-

ренного логического содержания, значения чего-либо, что постигается разумом. Применительно к языковым единицам «мерцанием смыслов» можно признать разнообразные проявления их семантического наполнения, обусловленные условиями коммуникации.

Перевод художественного текста без сомнений можно отнести к коммуникации особого рода, поскольку эта деятельность предполагает интерпретацию смысла текста на одном языке и создание нового эквивалентного ему текста на другом языке. Между исходным текстом и переводящим должны установиться отношения эквивалентности, подразумевающие асимптотическое приближение перевода к оригиналу (В. С. Виноградов).

В настоящее время в переводоведении выработаны и сформулированы основные требования к переводу. Перевод должен быть точным, сжатым, ясным, отвечать требованиям литературности [2, с. 231].

Выработанные требования сохраняются и тогда, когда объектом перевода является стихотворный текст, отличающийся от просто художественного текста особой просодической организацией. Не случайно в переводоведении такие переводы считаются наиболее сложными и соотносятся с формой поэтического творчества [2, с. 162].

В течение многих лет лингвокультурное пространство белорусского общества обогащалось белорусской Пушкинианой, неотъемлемой частью которой стали переводы произведений А. С. Пушкина на белорусский язык.

Первым переводчиком, по мнению исследователей, был Адам Гуринович (1869–1894), который перевел стихотворение «Эхо». К великому пушкинскому наследию обращались классики белорусской литературы: Я. Колас, Я. Купала, А. Кулешов, П. Глебка, П. Бровка, М. Танк, М. Лужанин и др. В 1993 году вышел двухтомник избранных произведений А. С. Пушкина на белорусском языке, в котором помещены переводы еще двадцати авторов. Некоторые стихотворения и поэмы имеют по 3–7 переводных версий. Так, стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» бытует как минимум в семи версиях [3, с. 212].

Есть все основания считать, что белорусские поэты и писатели понимали: русский язык позволит мобилизовать богатые возможности белорусского языка, раскрыть их потенциал, осуществить процедуру общественного одобрения средств народной речи, придать им таким образом статус единиц языка литературного.

В 1937 году поэму А. С. Пушкина «Медный всадник» перевел на белорусский язык Янка Купала. В том же 1937 году, когда на страницах журнала «Полымя рэвалюцыі» (№ 6), а позже и отдельным изданием вышел «Медны коннік», появился и юбилейный отзыв песняра о Пушкине – «Любімы паэт». «Люблю я Пушкіна за яго прыгожы, чароўны верш. Люблю за яго багацце думак, за сюжэтнасць, за зразумеласць яго мовы для ўсіх – ад малога да вялікага», – писал Янка Купала (цитируется по [3, с. 148]).

Обратимся к сравнительно-сопоставительному анализу оригинального пушкинского текста и его перевода на белорусский язык, сконцентрировав при этом внимание на семантических соответствиях и «мерцании смыслов». В качестве единиц сопоставления используем поэтическую строку.

Известно, что при контактировании в условиях перевода близкородственных языков возможным оказывается максимальное смысловое соответствие, которое достигается за счет близости их словарных составов и грамматических черт. Это означает, что при переводе оригинальный текст удастся передать средствами другого языка практически в полном объеме, изменив лишь произносительную сторону. Приведем примеры: *По мишистым, топким берегам / Па мишыстых, топкіх берагах; Ногою твердой стать при море / Нагою цвёрдай стаць пры моры; Люблю тебя, Петра творенье / Люблю цябе, Пятра тварэнне; И всплыл Петрополь, как тритон / І ўсплыў Пятропаль, як трытон* и др. Таких случаев максимального совпадения в поэме немного: приблизительно 40 строк из 500.

Сходство словарных составов и грамматики русского и белорусского языков позволяют переводить, достигая таких соответствий, несколько строк подряд: *Еще кипели злобно волны, Как бы под ними тлел огонь, Еще их пена покрывала, И тяжело Нева дышала, Как с битвы прибежавший конь / Яшчэ кіпелі злосна хвалі, Як бы пад імі тлеў агонь, Яшчэ іх пена пакрывала, І цяжка йшчэ Нява ўздыхала, Як з бітвы прыскакаўшы конь*. В приведенном отрывке лишь два слова переведены подбором параллелей: *волны – хвалі, прибежавший – прыскакаўшы*.

Как показывают наблюдения, чаще всего смысловое совпадение оригинала и перевода достигается за счет использования при переводе словарных параллелей или эквивалентов, т. е. слов, соответствующих по значению и стилистической окраске оригиналу. Приведем несколь-

ко примеров: *К решеткам* хлынули каналы / *Да кратаў* хлынулі каналы; *Твоих оград* узор чугунный / *Узор тваіх чугунных кратаў*; *Тогда, на площади* Петровой, где дом в углу вознесся новый / *Тады на плошчы* той Пятровой, дзе на рагу дом вырас новы; *Его прошедшего* весною свезли на барке / *Яго мінулаю* весною звязлі на лайбе и др.

В ряде случаев требования просодической организации текста приводят к изменению порядка слов в переводе при сохранении идентичности словарных составов. Например, в оригинале поэмы «Медный всадник» и переводе на белорусский язык Я. Купалы находим такие параллели: *Твоих задумчивых ночей...* / *Начэй задумлівых тваіх...* *И бледный день уж настает...* / *І ўжо дзень бледны настае...* *Полночных стран краса и диво...* / *Краін паўночных цуд і дзіва...*

Полное или максимальное совпадение строк не создает «мерцания смыслов», зато обеспечивает адекватность перевода. Смысловые сдвиги, несовпадения все же возникают.

В качестве наиболее заметных следует отметить факты невозможности передать в полном объеме по-белорусски стилистическую и коннотативную маркировку единиц. Обратимся к примерам. *И так он свой несчастный век влачил*, ни зверь, ни человек... / *І так ён свой няшчасны век валок*, ні звер, ні чалавек... Русский глагол *влачить* – ‘вести унылую, безрадостную или полную лишений, горя жизнь’ [4, т. 1, с. 184] даже в составе устойчивого сочетания *влачить век* не утрачивает традиционно-поэтической и книжной окраски, в то время как белорусский глагол *валачы* подобной смысловой нагрузки не имеет [5, т. 1, с. 456].

На белорусском языке нивелируется различие между русскими синонимами *государство* – *держава*. Исключительный пушкинский эпитет из строки *Невы державное течение* вынужден стать менее выразительным в переводе. *Державный* – ‘обладающий верховной властью, владетельный, царственный, величественный, могучий’ [4, т. 1, с. 389], *дзяржаўны* – ‘які мае адносіны да дзяржавы, дзяржава – палітычная арганізацыя’ [5, т. 2, с. 181]. Практически полное формальное совпадение строк оригинала и перевода не создает окончательного смыслового совпадения: *Невы державное течение, береговой ее гранит* – *Нявы дзяржаўнае цячэнне, берагавы яе граніт* (буквально *Невы государственное течение*).

Смысловые несоответствия могут возникать в комплексе, приводя к существенным расхождениям оригинала и перевода. *Народ зрит*

божий гнев и казни ждет. Увы! Все гибнет: кров и пища! – Народ гнѣу Божы бача й ичасця звод. Во! Гіне ўсё: харчы, хаціна! Содержательные потери при переводе не ограничиваются только заменой выражения *казни ждет* выражением *ичасця звод* (буквально *счастья исчезновение*). Книжный русский глагол *зрит* передан нейтральным белорусским *бача* ('видит'), междометие *увы*, выражающее сожаление, передано белорусским *во*, которое такого смысла не имеет; книжному русскому названию дома, пристанища *кров* в переводе соответствует нейтральное *хаціна*.

Можно было бы и дальше приводить примеры стилистических несовпадений и «мерцания смыслов», возникающих при этом, но вывод окажется понятным. Стилистические возможности языка, на который переводят, важны, они необязательно совпадают с возможностями языка оригинала. При этом значимой оказывается также и просодическая организация поэтического текста, на что неоднократно указывали теории и практики перевода [6, с. 421].

Трудности при переводе возникали, судя по всему, и тогда, когда в оригинальном тексте встречались акцентологические или грамматические архаизмы, то есть такие варианты постановки ударения или образования форм, которые были характерны для пушкинской эпохи. Переводчику пришлось или находить выход, или смириться с потерей. Приведем несколько примеров. *Гробá с размытого кладби́ща плывут по улицам! З магіл размытых дамавіны плывуць па вуліцах!* Переводческая трансформация заключается в замене слов: *гроба* – *дамавіны*, *кладбище* – *магілы*, варианты не передаются.

В тексте поэмы встречаем усеченное прилагательное: *Сонны очи он наконец закрыл*. Известно, что такие образования возникали в поэтической речи по образцу фольклорного языка и что они помогали поэтам решать версификационные задачи [7, с. 296]. Переводчик заменяет его наречием: *Сонна вочы нарэ́шце сплюшчыў ён свае*. Вариант оригинала утрачен.

В наибольшей степени «мерцания смыслов» возникают тогда, когда переводчик прибегает к замене слов. Причины таких замен кроются не в том, что белорусский язык не располагает соответствующими параллелями, а в том, что переводится поэтический текст. Ритм и рифма сохраняются, а смыслы «мерцают».

Пред ним широко река неслася; бедный челн по ней стремился одиноко. – Прад ім шырока плыла рака, па ёй – сярод – плыў бедны

човен адзінока. Интенсивность движения реки и челна, переданные глаголами *нестись*, *стремиться* в переводе не находят выражения.

Сопоставление оригинала и перевода показывает, что переводчик использует известные теории перевода лексические трансформации: генерализацию, состоящую в расширении значения, конкретизацию, смысловое развитие, целостное преобразование, модуляцию и т. д. [8, с. 168]. Вот несколько примеров: *Где прежде финский рыболов, печальный пасынок природы...* – *Дзе ўперад фінскі рыбалоў, няшчасны пасынак прыроды...*; *Прозрачный сумрак, блеск безлунный ...* – *Празрысты змрок, бліск цёмнаваты...*; *В гранит оделася Нева – Гранит адзеў бакі Нявы; Теснился кучами народ, любясь брызгами, горами и пеной разъяренных вод...* – *Каб любавалася і гарамі і пенай азвярэлых вод...*; *Что ведь есть такие праздные счастливыцы, ума недалекого, ленивыцы...* *Бо ёсць такія летуны-ншчасліўцы, слабыя розумам, лянiўцы...*

Нередко переводчик дополняет строки словами, пополняя таким образом и их смысл. *Чернели избы здесь и там – Чарнелі хаты ў хмызняках*; *Люблю зимы твоей жестокой недвижный воздух и мороз – Люблю зимы тваёй суровай снягі, марозы, даляў глуш*; *Над омраченным Петроградом дышал ноябрь осенним хладом – Над спяхмурнелым Петраградам стаяла восень лістападам...*; *Стоял он, дум великих полн, и в даль глядел...* – *Стаяў ён, буйных дум палёт лунаў у даль...*

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают факты смысловых неточностей. Так, например, представляя героя поэмы «Медный всадник», Пушкин пишет: *Мы будем нашего героя / Звать этим именем... Прозванья нам его не нужно...* В переводе читаем: *Мы будзем нашага героя зваць гэтым імем... Не трэба нам яго празвання...* Практически полное формальное совпадение оборачивается существенными смысловыми потерями. *Прозвание* по-русски ‘фамилия, имя’ [4, т. 3, с. 486], *прзвание* по-белорусски ‘мянушка’ (‘кличка’) [5, т. 4, с. 327]. Речь же в поэме идет не о кличке героя, а о его фамилии, родовом именовании, которое блистало и под пером Карамзина.

Возьмем еще один отрывок: *И что с Парашей будет он дни на два, на три разлучен. Евгений тут вздохнул сердечно и размечтался, как поэт.* Далее следует 14 строк, в которых излагается то, о чем мечтал герой. По каким-то причинам эти 14 строк не попали в перевод: *І што з Парашай будзе ён разлучаны на пару дзён. Так марыў ён.* Не слишком правильное выражение *на пару дзён*, которое Пушкин вряд ли бы употребил, дополняется глаголом *марыць* (‘мечтать’), который

по смыслу не подходит, потому что о чем мечтал Евгений, в переводе не говорится.

Герой пушкинской поэмы в качестве головного убора использовал шляпу: *Без шляпы, руки сжав крестом... С него и шляпу вдруг сорвал...* Переводчик обоих упомянутых случаях использует слово *шапка*: *Без шапкі, згорблен, бы стары... З яго і шапку ў міг сарваў...* Смысловая неточность, возникшая в результате такого перевода, может быть объяснена тем, что *шляпа* по-белорусски *капялюш*, в слове три слога, а не два, в строку вставить труднее. В переводе поэмы герой носил не шляпу, а шапку.

Укажем еще одно смысловое несовпадение: *Причалил с неводом туда рыбак на ловле запоздалый и бедный ужин свой варит...* В переводе читаем: *Прыстане з невадам худы рыбак у спозненую пору, каб падвячорак свой зварыць...* **Падвячорак** – это полдник, но запоздавший рыбак готовит именно его.

Проведенные нами наблюдения можно было бы продолжить, рассматривая «мерцание смыслов», однако и выявленных фактов достаточно для того, чтобы понять, насколько сложной и кропотливой оказывается работа того, кто переводит русский поэтический текст на другой, пусть и близкородственный язык. «Мерцание смыслов» при этом неизбежно, оно определяется стилистическими особенностями контактирующих при переводе языков, их словарными составами, поэтическими традициями и многим другим.

Белорусская Пушкиниана как культурное событие прошлого и настоящего исполнена высокого созидательного смысла. Она доказывает, что влияние гения на общественное развитие выходит за рамки его родного народа и родного языка, что творчество гения ценно своим гуманистическим пафосом, проникающим в сознание и душу человека как такового. Всем белорусам очень повезло, оттого что Пушкин оказался так близко к нам в духовном и ментальном пространстве.

Библиографические ссылки

1. Кравцов М. А., Боева Г. Н. «Мерцание смыслов» в прозе С. Довлатова // Гуманитарная парадигма. 2019. № 1. С. 82–87.
2. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М. : Флинта : Наука, 2003.
3. А. С. Пушкін і Беларусь. Мінск : Беларуская навука, 1999.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. 1–4.

5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. Навук БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). Мінск : БСЭ, 1977–1984. Т. 1–5.

6. Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. М. : АСТ : Восток – Запад, 2007.

7. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1990.

8. Лисицына В. О., Арутюнов Э. К. Виды лексических трансформаций при письменном переводе // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 10. С. 167–170.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА ПИСАТЕЛЯ

И. П. Кудреватых

*Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка
ул. Советская, 18, 220050, г. Минск, Беларусь, filfak@tut.by*

Рассматриваются вопросы комплексного исследования художественного текста как взаимозависимость системно-структурного и функционального подходов к анализу его смысловой организации, т. е. весь коммуникативно-прагматический потенциал, позволяющий выстраивать ряды ассоциаций. В рамках когнитивно-дискурсивного направления художественный текст проанализирован с позиции деятельностного подхода, предполагающего проявление творческого начала читателя как соучастника диалога сознаний адресанта и адресата. Рассматриваются стилистические приемы смыслоорганизации в произведениях В. Токаревой (метафорическая трансформация художественного времени), Т. Толстой (конвергенция грамматических приемов) и А. Платонова («ущербная» грамматика как показатель эстетической выразительности языка). Выявление функциональной значимости лексико-грамматических средств художественного текста позволяет определить стилистическое задание автора и его концептуальную позицию.

Ключевые слова: художественный текст; содержательно-концептуальная информация; идиостиль; ассоциативно-смысловое поле; стилистический код.

Комплексное изучение художественного текста, связанное с формированием новой парадигмы научного знания – коммуникативной стилистики художественного текста – характеризует новое направление современной функциональной стилистики. Возникшая на стыке